

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ДИСКУССИЯ О СОЦИАЛЬНОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ НА XIV «ЛЕОНТЬЕВСКИХ ЧТЕНИЯХ»

Очередные XIV «Леонтьевские чтения» (Санкт-Петербург, 13–14 февраля 2015 г.) собрали основных участников заочной дискуссии о социальном либерализме. Эта дискуссия более двух лет проходит на страницах журнала «Общественные науки и современность» (ОНиС). В Петербурге мы наблюдали редкий случай: авторы статей решили встретиться и подробно изложить свои взгляды на социальный либерализм перед участниками конференции.

Началась конференция с выступлений московских столпов российской экономической науки. Два дня конференции прошли под прессом московского влияния, казалось, что в Петербурге почти не осталось мыслящих людей, которых было бы можно пригласить выступить в дискуссии. Из 19 докладов, представленных на конференции, 15 (79%) было сделано московскими коллегами, что свидетельствует о том, что не так уж неправы те, кто утверждает, что в регионах перестают заниматься наукой и что только в Москве остались достойные ученые-экономисты. Вот туда-то и переезжают из других регионов. Санкт-Петербург был представлен только тремя докладами.

Начал очную дискуссию основатель концепции российского варианта социального либерализма *А. Я. Рубинштейн* (Институт экономики РАН). Его статья «Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии» (Общественные науки и современность, № 6, 2012) вызвала интерес к этой проблеме. Доклад, сделанный А. Я. Рубинштейном на XIV «Леонтьевских чтениях» назывался «Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное». Изложенные идеи уже развивались автором в книге «Индивидуум & Государство: экономическая дилемма» (М., 2013) (соавтор — Р. С. Гринберг).

Теория опекаемых благ базируется на трех предпосылках: «методологическом субъективизме», «методологическом релятивизме» и отказе от парадигмы «благоготворящего государства». Первая означает, что каждый человек в меру своего понимания, опираясь на собственные ценности, действует в предлагаемых обстоятельствах субъективно оптимально. И это не отрицание индивидуальных интересов (таковые, разумеется, признаются), а утверждение о наличии неких общих интересов, не сводимых к интересам индивидуальным. Эти общие интересы обладают самостоятельным бытием, находящим свое материальное воплощение в опекаемых благах (согласно А. Я. Рубинштейну, к последним относятся общественные блага; блага, производящие экстерналии; продукты Баумоля, мериторные блага), миссию поставки которых берет на себя выразитель этих интересов — государство.

Вторая предпосылка предполагает наличие принципа комплементарности полезностей, в соответствии с которым допускается наличие группового интереса наряду с индивидуальными интересами членов группы. И, наконец, третья предпосылка — общий принцип политической конкуренции в принятии коллективных решений, не допускающий «диктатуры большинства». Дискуссия в основном разворачивалась вокруг второго положения, а именно отстаивания холизма как противоположности индивидуализма.

В. М. Полтерович (Центральный экономико-математический институт РАН / Московская школа экономики МГУ) в своем докладе «От социального либерализма — к философии сотрудничества» выдвинул гипотезу, что эволюция развитых обществ ведет к уменьшению значимости как централизованного управления, так и экономической и политической конкуренции. Возрастает также роль механизмов сотрудничества. Этот процесс сопровождается культурными изменениями, например ростом доверия, интериоризацией норм честности и смягчением проблемы безбилетника; при этом коллективизм и индивидуализм в их крайних формах замещаются культурой конструктивного взаимодействия и поиска компромиссов. А начавшаяся культурная трансформация порождает как новые институты, так и одновременно поддерживается ими. В результате этого преодолеваются провалы рынка, государства и парламентской демократии. Вместо социального либерализма, отражающего лишь определенную стадию этого процесса и оперирующего главным образом «крайностями» типа «государство — индивид» или «государство — рынок», вырабатывается более общая философия сотрудничества (коллаборативизм). Однако при этом возникает резонный вопрос: где же пределы этой эволюции? Но в перспективе, по мнению В. М. Полтеровича, государственное управление и конкуренция не исчезнут, а будут играть вспомогательную роль.

В. Л. Тамбовцев (МГУ) в докладе «Социально значимые блага и социальная политика» определил социально значимые блага (СЗБ) как частные блага со значительными внешними эффектами, наличие которых и рассматривается как основание для вмешательства государства в процессы их производства и потребления, для «подталкивания» (nudge) граждан к большему потреблению одних и меньшему потреблению других благ.

Важный вопрос, который был задан В. Л. Тамбовцевым: почему «благие намерения» одних индивидов по отношению к другим, выражающиеся в понятии СЗБ, имеют столь неоднозначные последствия? По его мнению, это связано с самой природой понятия СЗБ: оно не является отражением объективных свойств благ (как, скажем, понятие общественных благ), оно — социально сконструировано, т. е. некое благо может быть социально значимо для одних людей, но не быть таковым для других. В том случае, если определение того, что есть СЗБ, берет на себя правительство, для произвола и зависимости от личных интересов чиновников открываются широкие возможности. А эти интересы заключаются зачастую в обеспечении устойчивого пребывания в «руководящем кресле».

Одним из важных выводов является то, что при нынешнем уровне наших знаний основания социальной политики не могут считаться имеющими закономерный характер; они являются результатом субъективного выбора, на который влияют многие (в том числе случайные) факторы.

В. С. Автономов (НИУ ВШЭ / ИМЭМО РАН) подробно рассматривал методологический индивидуализм в его двух формах: суверенный индивид против наиндивидуальных факторов и неделимый индивид против субличностей (множественного «я»). По мнению докладчика, социальный либерализм, по Рубинштейну, не выходит за пределы методологического индивидуализма: добавляется еще один политически агрегированный «индивид». При этом в индивидуальную функцию полезности можно добавить социальные предпочтения (например, донорство).

Однако в этом случае возникают вопросы о границе между методическим индивидуализмом и методическим холизмом, а также о том, насколько значима их граница. В. С. Автономов полагает, что если причинно-следственный механизм просматривается на микроуровне — применяется методический индивидуализм,

если на макроуровне — методический холизм. Возможна и конкуренция между подходами в случае применения к одним и тем же явлениям (таким как инфляция, безработица и пр.).

Несмотря на большое количество вопросов к каждому из докладчиков, аудитория после всех этих весьма теоретизированных докладов начала скучать, но, к счастью, последующие доклады вернули остроту дискуссии. Так, *А. В. Ковалев* (Европейский гуманитарный университет, Вильнюс) в своем докладе спросил, является ли либерализмом социальный либерализм. А далее прямо указал на то, что в концепции социального либерализма все-таки необходимо определить, что же есть либерализм. Другой вопрос — что делать обществу, если один из общественных институтов присваивает право на другой институт (например, государство на деньги), мешая тем самым обществу развиваться устойчиво.

Принцип методологического индивидуализма в австрийской экономической школе не ведет к «оптимизаторской парадигме асоциального человека». Экономическое поведение людей зависит от общественных институтов. Человек в концепции австрийской школы соответствует понятию «человек институционализированный» по Ходжсону. Институты — это результат человеческого действия, а не человеческого замысла, при этом институты постоянно эволюционируют. Анализ экономической действительности включает и анализ институтов, и анализ сквозь призму институтов.

А. П. Заостровцев (Санкт-Петербургский филиал НИУ ВШЭ) в докладе «Социальный либерализм как патерналистская идеология неограниченного государства» рассмотрел три источника государственного патернализма: бюрократию, организованные группы интересов и избирателей в условиях всеобщего избирательного права. Интерес слушателей вызвали приведенные количественные оценки бремени государства благосостояния (так, на образование, здравоохранение и социальную защиту в США тратится 57% государственного бюджета, в странах ЕС — 65%). Докладчик показал также, насколько негативно регулирование влияет на экономический рост.

Сравнительный анализ социального либерализма и либерализма австрийской школы был представлен в докладе *А. А. Раквиашвили* (МГУ). Один из выводов заключался в том, что либерализм — это толерантность, а не религия спасения (подразумевается социальный либерализм по А. Я. Рубинштейну).

О непреднамеренных последствиях социального либерализма шла речь в выступлении *П. В. Усанова* (Институт экономики и права им. Фридриха фон Хайека / Санкт-Петербургский филиал НИУ ВШЭ). Были затронуты вопросы об антисоциальности рынка, о гуманном либерализме, социальной власти, последствиях интервенционализма. Особо подчеркивалось, что социальный либерализм — это интервенционизм. А сотрудничество — такая же неотъемлемая часть капитализма, как и конкуренция.

С. Г. Кирдина (Институт экономики РАН) в докладе «Перспективы социального либерализма с позиции теории институциональных матриц (X – Y -теории)» применила столь часто используемые ею X - и Y -матрицы к социальному либерализму. Докладчик считает, что термин «социальный либерализм» в отечественной науке, будучи привнесенным в нее из стран с доминированием Y -матрицы, вряд ли станет в России столь же распространенным, как в странах-донорах. Отмечалось, что в массовом сознании и в СМИ социальный либерализм в России имеет ярко выраженный оппозиционный характер.

Л. И. Якобсон (НИУ ВШЭ) рассмотрел доктрины и реалии социального либерализма. Так, в современной России либерализм — общее обозначение интенции

к модернизации (более или менее) «по западному образцу», а социальный либерализм — общее обозначение интенции сочетать либерализм в указанном понимании с высокой активностью государства в социальной сфере. В существующих обстоятельствах: стремление разработать на платформе социального либерализма целостную многоаспектную доктрину социальной политики не слишком перспективно и даже опасно; актуальна не столько умозрительная конкретизация содержания социальной политики, сколько (посильная) деbüroкратизация механизмов ее формирования и имплементации; не следует ни стесняться лоббирования партикулярных интересов, ни пытаться выдавать их за «подлинные общественные».

Конец первого дня конференции завершился докладом *А. И. Пригожина* (РАНХиГС при Президенте РФ) «Законность — базовая ценность социального либерализма». Докладчик сформулировал шесть элементов законности и их связь между собой: примат права над законом, качество законодательства, качество судопроизводства, полноценное правоприменение, правозащитные движения, правосознание общества. Для повышения качества судопроизводства необходимы в том числе люстрация судебного корпуса и обновление составов судов.

Второй день «Леонтьевских чтений» начался с выступления *М. Ю. Урнова* (НИУ ВШЭ) «Социальный либерализм в России: точка зрения политолога». По мнению *М. Ю. Урнова*, можно сформулировать следующие характеристики российских дискуссий о социальном либерализме: одномерная парадигма (шкала «негативная свобода»); обсуждаются главным образом сугубо экономические аспекты проблемы: роль государства в экономике; идеологическая отягощенность и агрессивность дискуссий; социальные либералы «смущаются» собственных взглядов; агрессивный, примитивно-провинциальный характер дискуссии о социальном либерализме, что в точности соответствует характеру российской политической и идеологической жизни. По мнению докладчика, рассчитывать на быстрое преодоление сложившейся ситуации не следует: качественное улучшение элиты — длительный (поколенный) процесс.

Актуальность социального либерализма для России была рассмотрена еще одним представителем НИУ ВШЭ *Н. Е. Тихоновой*. Многие либеральные ценности уже достаточно прочно укоренились в сознании россиян. Однако «коридор возможностей» для самих россиян в плане их активности при реализации своих интересов очень узок. Принятие неолиберальной доктрины (при которой функции государства сводятся на словах к обеспечению максимальных темпов экономического роста, а на деле — к защите интересов капитала вместо интересов общества) как не только фактической, но и официальной идеологии российских элит может резко ухудшить ситуацию. В то же время идеология социального либерализма, оставляя достаточно большие возможности для защиты классовых интересов элит, позволяет выработать тот тип общественного договора, который был бы приемлем также и для населения, а в перспективе обеспечил бы России длительное устойчивое развитие и достойное место на международной арене.

Перспективы социального либерализма в России разбирались *Д. В. Мельником* (НИУ ВШЭ). Рассматривалось понятие свободы как ценности с точки зрения «государственников», «экономлибералов» и представителей иных социальных групп.

Частый гость «Леонтьевских чтений» *С. А. Афонцев* (ИМЭМО РАН) затронул проблему экономического либерализма в условиях санкций. Хотя повышение

цен создало дополнительные бизнес-возможности по отдельным видам потребительских товаров, вынужденные меры антиинфляционной политики серьезно ухудшили инвестиционный климат. По мере размывания перспектив импортозамещения, ускорения инфляции и падения реальных доходов негативный эффект контрсанкций оказывается вопиюще очевидным. По мнению С. А. Афонцева, наиболее вероятно ожидать расширения масштабов кооперативно-либерального взаимодействия в международной сфере, например в случае развития конкуренции на стороне предложения политических решений для отсекаания стимулов к реализации *pet projects* и сверхценных идей («Не путай свою личную шерсть с государственной!»).

Лауреат Леонтьевской медали (2010) *Т. М. Малева* (РАСХиГС при Президенте РФ) рассмотрела социальную политику в новых экономических условиях (государство, бизнес, население). На вопрос «Что делать?» докладчиком был сформулирован такой антикризисный тезис: поддерживать людей, а не предприятия. Рекомендовано отказаться от традиционной политики удержания безработицы на низком уровне и перейти к политике гибкости рынка труда. Вместо консервации архаичной экономики — создание условий для ее реструктуризации. Необходимо стимулирование и снятие барьеров для всех альтернативных форм занятости (самозанятость, фриланс, дистанционная занятость, работа в интернете). Поскольку нынешний кризис будет не кризисом безработицы, а кризисом доходов, большинство антикризисных мер необходимо сосредоточить в сфере регулирования доходов и социальной защиты.

Еще один лауреат Леонтьевской медали (2008) *Б. Н. Миронов* (СПбГУ) сделал доклад «Самоуправление в России XVII — начала XX в.: к 150-летию со дня образования земств». Был проведен сравнительный анализ российского и западного чиновничества.

Главным событием «Леонтьевских чтений» стала церемония награждения Международной Леонтьевской медалью «За вклад в реформирование экономики» 2014 г. Лауреатами стали:

— Фернанду Энрики Кардозу (*Fernando Henrique Cardoso*), бразильский социолог и государственный деятель, президент Бразилии в 1995–2003 гг., руководитель Института Фернанду Энрики Кардозу (iFHC) в Сан-Паулу;

— Александр Александрович Аузан, российский экономист, декан экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, научный руководитель Института национального проекта «Общественный договор».

После награждения медалью по традиции *А. А. Аузан* прочел лекцию («Эффект «колеи» и проблема общественного договора»). Согласно мнению докладчика, эффект «колеи» образуется в результате случайного институционального выбора, закрепленного культурой (структурой неформальных институтов). Это создает проблему модернизации. Граничные условия социальных порядков отличаются содержанием конвенций (пактов) элит, транслируемых в структуре производства общественных благ (законов, правил управления и контроля насилия). Социальный контракт (общественный договор) и есть тот «замок», который удерживает страну в «колее». Осознание и изменение общественного договора — условие выхода из «колеи». На основе динамики социального контракта в России за два десятилетия *А. А. Аузан* заключил, что механизм удержания страны в «колее» связан с определенными типами социального контракта и может приводить к ситуации «дежавю». Критическими точками социального контракта являются соотношение ценностей элит и массового поведения, а также осознание населением налогов как цены общественных благ.

Прошедшие XIV «Леонтьевские чтения» показали неподдельный интерес научной общественности: экономистов, политологов и социологов — к проблеме социального либерализма.

Материалы конференции доступны на сайте Леонтьевского центра по адресу <http://wleontief.ru/rus/program2015.html>

Я. Д. Ширяева,
канд. экон. наук, научный сотрудник
Института экономики и права им. Фридриха фон Хайека